

Поэт, эссеист, переводчик Валерий Михайлов за полвека творческой работы издал около сорока книг поэзии и прозы, среди которых вышедшая в 1990 году «Хроника великого джута» – книга о голодоморе на казахской земле и трехтомник семейной хроники «Тополиная ветка, или Восвояси» (2022), где в архивных документах, частных письмах и авторских размышлениях предстает трагедия карагандинских спецпереселенцев. Эссе о П. Васильеве, Ю. Кузнецове, А. Нурпеисове, К. Мырзалиеве, А. Тарази стали предтечей писательских исследований о М. Лермонтове, Е. Боратынском, Н. Заболоцком в книгах серии ЖЗЛ издательства «Молодая гвардия».

В. Ф. Михайлов пять лет был главным редактором газеты «Казахстанская правда», 12 лет руководил литературно-художественным журналом «Простор». Заслуженный деятель РК, награжден орденами «Барыс» II степени и «Парасат», многими медалями РК, лауреат международных литературных премий. Произведения В. Ф. Михайлова переведены на казахский, английский, французский, немецкий, испанский, арабский, китайский, корейский, белорусский языки.

Светлана АНАНЬЕВА, Узим ДЖУМАГАЛИЕВА

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФЕНОМЕН ВАЛЕРИЯ МИХАЙЛОВА

*С детства помню, как полынный ветер
По степи катил траву сухую, –
Странную её судьбу на свете,
Круглую и легкую такую,
Я, наверно, скоро растолкую...*

Валерий Михайлов

Художественная литература выполняет благородную функцию. «Она о душе, – говорит Валерий Михайлов в одном из интервью. – О человеческой душе и о душе народа. Подмечать, осмысливать то, что в этих глубинах происходит – вот её предмет» [1, с. 6]. Настоящему читателю, в котором автор видит незримого друга и собеседника, адресована поэзия и проза Валерия Михайлова, стиховая жанровая палитра её впечатляет и очаровывает.

Поэт всегда диалектик. Мир предстает перед ним в сложных противоречиях. Он особо чувствует несовершенство мира, а родником творчества для него остается живая, разноликая жизнь. Поэтов В. Михайлов делит на два типа. У поэтов первого типа поэтический талант вспыхивает рано, подобно звезде (С. Есенин, А. Рембо). У поэтов второго типа духовное созревание длится всю жизнь, и лишь смерть останавливает восхождение (И. Гёте, А. Пушкин, А. Фет, Ф. Тютчев, Ю. Кузнецов).

Поэзия русского поэта Казахстана автобиографична, элегична, исповедальна и, оставаясь в лучших традициях классической литературы, глубоко самобытна и неповторима. В далеко не простое время выпало жить русско-

му поэту: «Летели цифры журавлиной стаей, / И смысл времен, как зыбкий клин, растаял».

В фокусе авторского изображения Дом, Родина, Отчизна. Поиск Дома – лейтмотив многих лирических произведений: «Мне снился старый двухэтажный дом...», «Я здесь бывал, я здесь оставил душу...». Поэт свободен, душа его «словно пепел легка и чиста...». Ритмический строй стиха передает широту и глубину лирического мира автора, для которого «родина, как миф, недостижима. / Лишь речь родная сына приняла, / Всё остальное прокатилось мимо».

Имагологическое восприятие, интонационное расширение лирического поля включает концепты *свой / чужой, другой / иной*.

*Земля чужая, я ль тебе чужой,
Когда тебе впервые удивился.
Земля родная, я ль тебе родной,
Когда я на чужой земле родился [2, с. 49].*

На антитезе построено стихотворение «Воздух, что ли, суше стал и реже?»: «Здесь меня почти ничто не держит, / Ну а там почти ничто не манит» [3, с. 52]. Любовь к России и тревога за её судьбу, забота о её будущем с новой силой откровения зазвучали в цикле «Русь», включающем одноименные стихотворение и поэму.

Безусловно, серьезное и глубокое исследование В. Михайлова о крестном пути большого русского поэта Юрия Кузнецова, как и блистательное стихотворение «Хлебников» – это тоже грани осмысления темы России, русской культуры и её места в мировой. Поэт остается верен себе. Пересечение пространства и кочевья, птичья клинопись веков летучих, бешеные погони, змеящиеся токи подземного огня, говор родного племени – и расцвет поэтического таланта Велимира Хлебникова.

*Цветы ему степные песни пели,
Лягушки, словно Будды, бронзовели,
Он аист был задумчивый в траве.
Зрачок его пил дальнее пространство,
И ветра кочевое постоянство
Свободное струилось в синеве.*

Поэт любит ту землю, где родился («Я любил тот высокий пустынный закат», «Я любил тот немислимый воздух весны», «Я любил ту степную горячую пыль ... / Позабытую ту босоногую быль, / Где когда-то я был самым лучшим собой»). По забытому богом проселку бредет босиком лирический герой, «слуша нежную пыль». Эта пыль золотая тепла...

*Может быть, величайшая ласка
Этой богом забытой земли –
Отпустить, словно в поле савраску,
На часок, босиком по пыли.
«По забытому богом проселку...» [2, с. 74]*

Лирический герой и герой-автор свободно перемещаются в пространстве, где «души-мотыльки» вспорхнули от земли и мысли улетели в открытое небо. Пространство разомкнуто до бесконечности: «Воздух, тронутый палой листвою,

/ И костров расходящийся дым...»; «Из небесной сияющей близи / Лист летит, припадая к земле»; «Сизые стрекозы / Шьют в тиши лесной / Сизые узоры / Ниткою сквозной».

Поэт не только передвигается в пространстве, он слушает пространство:

*Я слушал пространство и воздух задумчивый пил,
Ничейные песни душой опустевшей ловил,
Как будто сачком, и вдыхал в них простые слова,
Что словно бы ждали меня и светились едва [3, с. 24].*

Стихи В. Михайлова, неповторимого мастера пейзажных зарисовок, многообразны по лирической мысли и стилю. В его поэзии «в ночь летят, полынью вея, степи»; плывет по небу солнышко; «две бабочки сиреневых, две стрекозы малиновых» встречаются и разлетаются «в объятьях крепдешинных». Поэт слышит «их крылышек касание, шуршанье, трепетание» и тополиных листьев шум, замечает белым-белую черешню у речки городской, которую хранят «лишь милость Божия / да звезд покой» и «березовый лист – золотое сердечко», скользящий по реке. Степь постоянно присутствует в его поэзии, она такая же родная, как леса России. Степь теплая, золотистая, как её пыль, и строгая.

«Соль земли», серая трава клочками, верблюжья тусклая колючка, «бледный вусмерть солончак» – это тоже степь, высохшая, иссушенная солнцем. Легкие летние зори и неподкупные звезды, теплые ветры и зыбкий нежный плен нелепой мечты, заката лучи золотые и сизая в дым стрекоза. Молоденький воробышка, счастливо жмурящий глаза. Одуванчик, побитый дождем, ремесло которого – ждать ветра. Мотылек – яблоневый лепесток, «воздухом нежным любим». Дым, растворяющийся в выси или в осенней полумгле. Семечки карагача, шуршащие как метели, с их прощальной песней. Всё вокруг замечает своей чуткой душой поэт («Душа поместилась в глаза, / И всё-то ей видно с полвзгляда») и переплавляет окружающее в поэтические образы-символы.

Меж глухих пустырей завывает степной ветерок «что-то горько и длинно. / И седой полынок сизоватый по вихрам как попало трепал», когда автор вспоминает всех, для кого степь стала братской могилой, мимо которой «проносились вихри новых свершений и новых побед». Меняется степной пейзаж:

*Ни жестяной звезды, ни сварного креста,
ни какой-то малейшей отметы...
Степь, сапогами побитая, в железках проржавленных,
в побурелой случайной траве...
Где-то здесь вы лежите, только небом оплаканы,
только ветром тоскливым отпеты...*

Лирический герой стихотворения «Полет» «в тихом позолоченном паденье» касается Душой «последней музыки». Но помнит он и трагические страницы нашей общей истории. Однажды, в Майкудуке, видел он цветную радугу над мертвеей степью, «где голод когда-то так сосланных мучил... почище, чем ад, / Где, кажется, стонет земля до сих пор отрешенно и глухо / И черные руки погибших, взывая к пощаде, из снега торчат».

Автобиографичны «Деды мои». Они были разные, но «сызмалу вершили труд крестьян: / Один – под Курском, а другой на Волге, / Один – Прокофий, а другой – Иван». Стихотворение строится по принципу контраста. И внешний вид, и характеры дедов прямо противоположны: один бедовый, а другой – ти-

шайший, один – с плеча рубил, другой «всё голоса стеснялся своего». Но более всего схожи их судьбы:

*За то, что век не были иждивенцы
И жили только собственным трудом,
Им имя дали – спецпереселенцы,
И право – вновь все брать своим горбом* [3, с. 26].

Они стали шахтерами, «один – почетным, орден получил». Другой же, «лишь отпустили», «конюх стал да кучер / И очень лошадей своих любил». Они остались в карагандинской земле, «а бабушки не дожили до внуков, / Едва покинув отчие поля...» [3, с. 27].

Подвиг писателя – документальная повесть «Хроника великого джута» о коллективизации в Казахстане, изданная с 1990 года пятнадцать раз в разных странах, в том числе и в России. Дважды переведена на казахский язык, на китайский, немецкий и английский языки. «Подробности почти забытой трагедии, – пишет автор предисловия к книге “The great disaster” Роберт Киндлер, – теперь хорошо известны: огромная смертность, искоренение векового кочевого уклада жизни казахов, колоссальные экономические потери» [4, с. 20]. Голод изменил демографическую ситуацию в Казахстане. Обескровлена казахская культура. Книга В. Михайлова «The great disaster» в переводе на английский язык Кэтрин Юдельсон позволяет услышать подлинные голоса людей, «неповторимые свидетельские показания» [4, с. 22].

Музыкальность ритма, фраз, образов поэзии В. Михайлова («Песни в звезды ушли»; при звуке девичьей песни «как из белого сна, из тумана / Выплывает навстречу душа...»), образы-символы находят дальнейшее развитие и воплощение в жанре автобиографическом. Думы о России объединяют поэзию и прозу В. Михайлова. Они проходят лейтмотивом через романы-эссе о М. Лермонтове, Е. Боратынском и Н. Заболоцком. Отличительная особенность романов-эссе В. Михайлова заключается в том, что это не только художественные биографии, безусловно имеющие свою специфику написания. Поэт пишет о поэтах – в этом уникальность книг известного казахстанского автора.

Создание романизированных биографий – тренд мировой литературы. В художественной биографии предполагается изначально развитие образа главного героя, эволюция от детских лет до зрелости. Ведущий принцип беллетризированной биографии – последовательное, хронологическое изложение сюжета, в основе которого события из жизни героя. В. Михайлов пишет об оригинальности прозы и поэзии М. Ю. Лермонтова, внимательно прочитывает поэмы «Демон», «Мцыри», «Песню про купца Калашникова», «Сказку для детей», стихотворения «Дума», «Родина» и другие.

Поэт пишет прозой о поэте, находя точные слова о стиле М. Лермонтова: «Пишет словно бы не земными словами, а прозрачным, мерцающим светом и воздухом» [5, с. 110]. Раскрывает свое видение Лермонтова, переосмысливая большой пласт мемуарной литературы, сопоставляя разные варианты редакции произведений поэта. Статьи, эссе, мемуары известных деятелей культуры, писателей, критиков, его друзей открывают новые грани творчества лирика, романтика, реалиста. Музыка души превращает прозу в поэзию.

Звездный мотив (в Казахстане роман-эссе о Лермонтове вышел под названием «Один меж небом и землей...». – С. А., У. Д.) и Млечный Путь являются сквозными в творчестве В. Михайлова. «Сиверком сизым повеяло, / Звездчатым да рассыпчатым»; «...проступают, как соль, неподкупные звезды, / И ве-

тром ночным потянуло, и Млечным Путем»; «Из глубины земной в окно летит криница, / Колодезной водой летит звезда упиться»; «Тихо звезды цветут на Руси / И срываются вниз головою»; «В тусклом небе предутреннем тает звезда...»; «Там звезды живые, как ягоды спелые, тише»; «Ушло на дно земли мерцанье звезд...»; «Небо мутное впотьмах / светилось млечным светом»; «пылающие звезды»; «поезд мчался прямо в звезды»; «лететь безоглядной звездою»; звонкая звезда; «звезды осколками жгли»; «чаша звездного мига»; роса живая «спелых звезд падучих» и т. д. Звездочки у В. Михайлова моргают в недоумении. Земля ладью летит в космосе. Звезды и небо слушают песни цикад: «Вон звездочкам звонким цикады, как в праздник, запели / И темная синь чуть надвинулась, словно вникает...» и ночные бездны «звезды на такыр роняли жесткие».

*И ангелы в душу глядят, как в стекло,
Меж белыми хлопьями снега летая [2, с. 21].*

Поэтический образ ангелов, глядящих в душу, получит отражение в романе-эссе о Лермонтове: «Способность видеть небо с земли и землю с неба – без сомнения, его врожденное свойство. Как и способность жить одновременно – и на земле, и в небесах...» [5, с. 135]

Современный русский поэт и прозаик из Казахстана размышляет об оригинальности и исповедальности творчества М. Лермонтова, Е. Боратынского, Н. Заболоцкого. В. Михайлов посетил их родные места, внимательно вникая в родословные, прослеживая становление характеров, формирование личностей мастеров художественного слова.

Книга В. Михайлова о М. Ю. Лермонтове, первая из серии «ЖЗЛ», выдержала несколько изданий. Получила премию «Лучшие книги 2013 года» Российской государственной библиотеки, «Литературной газеты» и Российского биографического института и премию имени М. Ю. Лермонтова (Тарханы, 2014). Особый интерес представляет авторский взгляд на творческую личность, литературную традицию.

Думы о судьбе России как главные в творчестве М. Лермонтова, эволюция лермонтовской поэзии от ранней лирики к лирике зрелой, философски насыщенной, духовное и творческое братство А. Пушкина и М. Лермонтова, «двух огненных звезд в космосе поэзии», могучая и страшная, высшая гармония мироздания, что «забирает и увлекает за собой самых одаренных, бесстрашных и сильных» [5, с. 89] важны и наполнены особым смыслом. В. Михайлов с глубоким проникновением передает эмоционально-чувственный образ юного поэта, становление его поэтической личности, корнями уходящей в воспоминания раннего детства. В сознании современников он истинный романтик.

Своеобразие В. Михайлова в том, что он, по выражению П. Басинского, пишет «не столько биографию Лермонтова, сколько биографию его творчества» [6, с. 74]. В восемнадцать лет поэт убежден в своей самобытности: «Нет, я не Байрон, я другой...». В «Завещании» («Наедине с тобой, брат...») «разговор умирающего на войне с остающимся в живых передан с такой “здешней” психологической глубиной, которой впоследствии не смог достичь ни один русский поэт» [6, с. 74].

«Роковое предчувствие» В. Михайлова высоко оценено критиками и литературоведами Казахстана и России, стало объектом научного исследования. Особенность Лермонтова как русского романтика, согласно автору книги, «стояла в его крайнем вольнолюбии: более других поэтов он воплотил в себе ис-

конные национальные устремления – Волю и Своеволие, – приходит к выводу А. Большакова. – Каждая авторская оценка и прочтение в книге-биографии погружены в широкий лермонтоведческий контекст. В итоге перед нами во весь недюжинный рост встает фигура Поэта, сумевшего столь многое свершить за свою краткую, но яркую жизнь!..» [7, с. 75].

Картина мира русского общества XIX века, в которую В. Михайлов помещает главное действующее лицо второго романа-эссе – поэта Е. Боратынского, позволяет воспринимать реальность того времени как сложный, многогранный и уникальный мир повседневности. Самый негромкий гений русской поэзии художественно воссоздан в беседах с Гнедичем и Жуковским, в дружбе с Дельвигом и Пушкиным, Вяземским и Кириевским. Их произведения формируют круг чтения Е. Боратынского.

Роман-эссе В. Михайлова «Боратынский» как новейшее изучение жизненного и творческого пути главного героя, эволюция образов действующих лиц, историко-ретроспективный взгляд на жизнь и творчество Е. Боратынского способствуют воссозданию литературоведческой биографии русского классического поэта, во многом оказавшего влияние на поэтический язык и поэтические школы русских мастеров слова. Духовный код как код жизнедеятельности и творчества Е. Боратынского занимает существенное место при построении образа героя. Обращает В. Михайлов особое внимание и на выбор имени младенцев. Так, Евгений – «это имя восходит к древнегреческому языку и значит “благородный”, “знатный”. Никто из предков поэта, по крайней мере известных истории и семейным архивам, не носил такого имени. Вероятнее всего, младенца нарекли по святцам. 19 февраля – день памяти преподобных исповедников Евгения и Макария» [8, с. 7].

Подробно воссоздано детство поэта, принадлежащего по отцу к старинному роду польских дворян. Согласно семейному преданию, полководец Дм. Божедар владел замком Боратын в Галиции. Ныне, уточняет В. Михайлов, село Боратынь на Львовщине. Отсюда правильное написание фамилии: Боратынские.

В четыре года Евгений читает на французском, в шесть – пишет по-русски и по-французски. Воспитывается в заботе и ласке, растет в любви к отчизне, к родной природе. Откуда тогда взяться в его лирике печали: «Светлая грусть о детстве, о прошедшем». Этот мотив загадки позволяет провести параллель между романами-эссе В. Михайлова о М. Лермонтове и Е. Боратынском. В Михайлов постигает «коренное свойство его противоречивой природы – в видимом счастье чувствовать себя несчастливым» [8, с. 14]. Был ли он счастлив в частном пансионе Коллинса в Петербурге, в который его отдали весной 1812 года для подготовки к обучению в Пажеском корпусе?! Дневников не вел, мемуаров не оставил... «Сокровенное души он держал про себя» [8, с. 17]. Но центральная тема книги В. Михайлова о Е. Боратынском – великий поэтический дар главного героя. «В юные годы почти незаметный, он вдруг разом проявился в молодости, словно за ночь вырос из какого-то таившегося до срока чудесного “зерна”. И всё, что ни случилось в жизни, тут же ему пригодилось: и радости с печальями, счастливые мгновения и беды, очарования и разочарования, и непрестанные думы – всё преобразило вдохновенное воображение и отточил в поэтические формулы глубокий ум...» [8, с. 38–39].

Герои произведений В. Михайлова знакомятся друг с другом. В начале 1840 года, избегая Москву с её холодностью, Е. Боратынский рвется в Петербург, где нет «ползучей житейской суеты», где столько встреч! М. Лермонтов, человек, без сомнения, с большим талантом, Е. Боратынскому не понравился. Девятого мая у М. Погодина на Девичьем поле, собравшем весь цвет писательской и культурной

Москвы, вновь встречается с М. Лермонтовым. У В. Жуковского разбирают неопубликованные стихотворения А. Пушкина, оставшиеся в его тетрадах...

Для В. Михайлова важны сложные, философские отношения со временем. «Настоящее, отошедши, сделавшись прошлым, словно бы перемещается в ту область времени, которое зовется вечностью, и не поддается ни тлению, ни изменению. Время едино: там и прошлое, и настоящее, и будущее. Времени известно всё» [8, с. 18]. Впечатляющ исторический колорит повествования, чему способствуют цитируемые письма поэта, мнения окружающих о его таланте, фотографии исторических деятелей, родителей Е. Боратынского, друзей поэта, видов Москвы, Санкт-Петербурга, Казани и т. д.

Завершив романы-эссе о М. Лермонтове и Е. Боратынском и издав книги в Москве, В. Михайлов прекрасно отдает себе отчет в том, что «ни одна такая книга, даже самая выдающаяся, не может исчерпать своей темы – жизни того или иного человека. Но даже и множество книг, посвященных одному герою, не в силах установить окончательную истину: предмет исследования всё равно останется недостижим, как ускользающий в непомерную даль горизонт. Всякий раз это только попытка приблизиться к тому, что столь же недосыгаемо, как и влекуще...».

Россия и Казахстан в творчестве и судьбе поэта В. Михайлова, как мы уже отмечали, занимают особое место. Ретроспективный анализ определенной исторической эпохи и образов главных героев, который успешно применяет В. Михайлов, направлен на раскрытие внутреннего мира, философии и личности героя. Главный герой романа-эссе «Заболоцкий. Иволга, леса отшельница» Коля Заболотский меняет фамилию. «Подумаешь, чуть-чуть подправил свою исконную вятскую фамилию в ударении и написании. Зазвучало, правда, немного на польский манер, но в общем даже четче, благозвучнее» [9, с. 5]. И далее следует размышление об иных, утонченных и романтических канонах серебряного века и изменениях фамилий и имен: Бугаев – Андрей Белый, Гликберг – Саша Черный, Аня Горенко – Анна Ахматова, Ефим Придворов – Демьян Бедный, Эпштейн – Михаил Голодный, Дзюбин – Эдуард Багрицкий, Шейкман – Михаил Светлов, Александр Брянский – Саша Красный, Антонов – Луначарский (переставив слоги в фамилии отчима Чарнолуского). Всегда поражает, насколько интеллектуально насыщены книги В. Михайлова.

Трагическими страницами и годами жизни вошел Казахстан в судьбу Н. Заболоцкого. Именно в Караганде поэт завершает блистательный поэтический перевод памятника древнерусской литературы «Слово о полку Игореве» [9]. В селе Михайловском, в Кулундинской степи, заключенный Н. Заболоцкий в феврале 1944 года вспоминает о стихотворном переводе «Слова о полку Игореве». Восемь лет молчания, стихи заключенному поэту писать запрещалось...

18 августа 1944 года Н. Заболоцкий обретает свободу, становясь вольнонаемным до конца войны. Подан рапорт о воссоединении семьи. Рукопись начатого перед арестом перевода «Слова о полку Игореве» попадает в руки переводчика, супруга сберегла начальные страницы. На свободе, после заключения он вновь может творить... Любовь к «Слову о полку Игореве» – из детства.

Поэтическое переложение Н. Заболоцким памятника древнерусской литературы «Слово о полку Игореве» – явление в мировой словесности феноменальное. Сохранены и бережно переданы интонация, душевный настрой неизвестного автора, его мысли и национальные краски. Художественный перевод, по мнению Н. Заболоцкого, искусство высокое, требующее специфического таланта, исторических знаний, кругозора, душевной чуткости. Творческая личность переводчика – наиболее интересная, сложная и менее разработанная

проблема. И именно она становится одной из центральных для героев романов-эссе В. Михайлова.

Титанический труд автора предшествует появлению каждого романа-эссе. Н. Мирошниченко отмечает, сколько «осмысленного, сколько личного, сколько написанного на уровне самого поэта» в книге В. Михайлова «Заболоцкий» [10, с. 230].

Автор трех книг о русских поэтах корректен, научно добросовестен в лучших академических традициях, благожелателен, отлично знает русскую и европейскую поэзию XIX века, литературную критику того времени, эпистолярное наследие главных действующих лиц. Мотив предопределенности прослежен В. Михайловым на примере судеб его любимых поэтов. Общим для книг серии «ЖЗЛ» являются прекрасные иллюстрации, украшающие издания, портреты, исторические фотографии.

Всё взаимосвязано в жизни и творчестве. В. Михайлов бережно и трепетно относится к слову. Он глубоко уверен в том, что «для Слова нет границ, и что суть истинного творения сама по себе образует форму – не только художественную, но и в других сферах познания» [3, с. 150].

В поэме «Русский хаос» у В. Михайлова главный герой – «странник по судьбинушке земной». Мотив странствий, путешествия также важен для героев романов-эссе. «Путешествие по нашей родине тем хорошо, что не мешает размышлению. Это путешествие по беспредельному пространству, измеряемое одним временем, зато и приносит плод свой как время», – цитирует Е. Боратынского В. Михайлов [8, с. 6]. Мотив странствий расширяет проблемное поле романов-эссе, которые развивают далее автобиографический жанр в его классическом определении и реактуализируют проблему соотношения реальности и вымысла (fiction/non fiction) в литературе.

Лейтмотивом творчества В. Михайлова, думается, является поэтическая строка: «Лишь песня неподвластна злу и тленью...». Концепт *творчество* важен как для автора, нашего современника, так и для героев его книг стихов и прозы, находящихся в центре внимания научной и читательской общественности многих стран мира.

Литература

1. Вечерний Алматы. 2003. 1 ноября. С. 6.
2. Михайлов В. Молитвенный дым. // Москва: Русский раритет, 2003. 128 с.
3. Михайлов В. Пыльца. Москва: Раритет, 2006. // 180 с.
4. Киндлер Р. Предисловие // Литература Казахстана в зарубежных источниках / Отв. редактор С. Ананьева. Алматы: Press Co, 2021. С. 19–22.
5. Михайлов В. Роковое предчувствие. М.: ЭКСМО, 2012. 260 с.
6. Басинский П. Вышла в свет новая биография Лермонтова // Литература Казахстана в зарубежных источниках / Отв. редактор С. Ананьева. Алматы: Press Co, 2021. С. 74.
7. Большакова А. Один меж небом и землей // Литература Казахстана в зарубежных источниках / Отв. редактор С. Ананьева. Алматы: Press Co, 2021. С. 75–76.
8. Михайлов В. Боратынский. Москва: Молодая гвардия, 2015. 486 с.
9. Михайлов В. Заболоцкий. Иволга, леса отшельница. Москва: Молодая гвардия, 2018. 652 с.
10. Мирошниченко Н. Презентация романа-эссе В. Михайлова «Заболоцкий» // Зарубежное восприятие литературы Казахстана / Отв. редактор С. Ананьева. Алматы: Service Press, 2023. С. 229–230.